

Русецкая Дарья
Константиновна

**АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ
И ЛЕКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ЖЕНСКОГО ЧТЕНИЯ»
В РЕЦЕПЦИЯХ РАССКАЗА ЮДИТ GERMAN «CAMERA OBSCURA»**
(Научный руководитель – канд. филол. наук О. Ч. Гронская)

«Женское чтение» – феномен, объективное существование которого доказать очень трудно, во многом именно поэтому он до сих пор рассматривается исследователями как довольно спорное явление. Одной из главных преград для его изучения и выявления является невозможность зафиксировать чтение как таковое. Однако все же «изъять» прочитанный и переосмысленный текст из сознания читателя можно. И одним из возможных способов нам видится перевод иностранных текстов. Ведь переводы по сути и являются своего рода художественным восприятием переводчиком иностранного текста и адаптацией его для сознания других читателей, сформированного другой культурой. Личность переводчика в данном случае играет огромное значение. Именно поэтому следует обращать внимание и на гендер воспринимающего лица. Для этого мы и рассмотрим некоторые особенности восприятия текста и выбора лексических единиц переводчиками обоих полов на материале одного и того же текста, рассказа Юдит Герман «Camera Obscura».

Среди феминистской критики встречаются различные мнения по вопросу «женского чтения», и дать единое определение этому понятию довольно сложно. Однако И. А. Жеребкина выделяет следующие его черты: **во-первых**, «женское чтение» конфронтирует с андроцентрической традицией посредством того, что читатель в данном случае не рассматривает историко-культурный контекст, биографические данные об авторе, в каком жанре написано произведение; **во-вторых**, «женское чтение» – это своего рода перенесение телесного опыта читателя на прочитанный текст, в рамках такого чтения текстуальность и сексуальность взаимодействуют друг с другом; **в-третьих**, читатель идентифицирует и конституирует себя в тексте; **в-четвертых**, читатель акцентирует особое внимание на чувственность и детали, концентрируется на части текста, вместо целого [см. 4]. Другими словами, *«женское чтение менее абстрактно, чем мужское: женщина всегда читает в тексте свой собственный реальный жизненный эксперимент. Результатом такого чтения становится её собственный текст, буквально – её «я» как текст»* [4, с. 151].

С точки зрения традиционного чтения женские образы и ситуации с ними связанные, как правило, не привлекают особого внимания. Однако при «женском чтении» читатель акцентирует свое внимание именно на них.

Рассказ Юдит Герман «Camera Obscura», выбранный в качестве объекта нашего исследования, входит в сборник «Sommerhaus, später: Erzählungen» («Летний домик, позже: рассказы»), увидевший свет в 1998 году. Существует

несколько текстов из этого сборника, которые переведены на русский язык переводчиками обоих полов. Женский вариант перевода «Camera Obscura» выполнен Натальей Скакун, мужской – Александром Мильштейном. Их мы и проанализируем на предмет «женского чтения».

Рассказ повествует о знакомстве и развитии взаимоотношений между Мари и знаменитым берлинским художником, чье имя так и не откроется к концу произведения. Пара Мари – художник выглядит нелепо и смешотворно, так как он очень некрасив и к тому же намного ниже ее, но это далеко не самая непреодолимая стена между ними. Они типичные герои рассказов Юдит Герман: боятся близости другого человека и одновременно стремятся к ней, не осознавая до конца, способны ли рискнуть и вылезти из своей «скорлупы» на встречу другому, или лучше для них отдаться течению событий, бездействовать и ждать.

Все три исследуемых текста: оригинал, женский и мужской переводы – обнаруживают различия на разных уровнях текста: синтаксическом, лексическом и смысловом. В этой статье, однако, будут рассмотрены только особенности лексики и некоторые смысловые аспекты.

Для начала обратим внимание на **лексический план** рассказа и его переводов. Особое внимание обращает на себя бóльшая *экспрессивность* в женском переводе как по сравнению с мужским, так и по сравнению с оригиналом.

Приведем несколько примеров (далее см. Таблицу, приведенную в конце статьи).

В 1-м примере *жить вопросом* содержит в себе больше экспрессии, чем *давно хотеть задать вопрос*, при этом второй, мужской вариант, ближе к оригиналу. Во 2-м примере мы видим даже намеренное снижение стиля, который усиливает эмоциональную напряженность в женском переводе, в то время как переводчик придерживается более нейтрального варианта. В 3-м же примере отметим отрицательную коннотацию, которую привносит переводчица в нейтральное *wartet* в оригинале.

Однако, встречаются случаи, где женский перевод придерживается нейтральных лексических единиц по сравнению с мужской лексикой. Речь идет о так называемой «**воинственной**» лексике, присущей мужскому переводу.

Сравним в примере 4-м: *разрушение – разбить, вторжение – проникнуть*. Первые слова в парах, несмотря на то, что являются существительными, несут в себе больше «разрушительной энергии», чем глаголы, использованные в женском переводе. В 5-м примере переводчица использует словосочетание *внезапно оказывается*, в то время как переводчик употребляет более емкое и торжественное слово *предстает*. Стоит обратить внимание, что эти выражения относятся к главному мужскому персонажу, который в интерпретации переводчика приобретает больший вес и значимость, чем в женском переводе. Подобные механизмы срабатывают и в 6-м примере. *Непоколебимо* звучит в мужском переводе более торжественно, чем в *невозмутимо* в женском.

На материале данных переводов просматривается ещё одна тенденция: как переводчик, так и переводчица **смягчают отрицательную коннотацию**, когда слово или выражение описывает героя одного с ними пола, но ничего подобного не происходит, когда дело касается персонажа противоположного пола. Так в примере 7 речь идет о Мари, главной героине рассказа, и переводчица заменяет слово *unheimlich* (*страшный, пугающий, жуткий*) целым придаточным предложением, смягчая тем самым оригинальный смысл, в то время как переводчик пишет в соответствии с оригиналом просто *ужасное лицо*.

Следующие два примера иллюстрируют противоположное явление. Переводчик употребляет самое мягкое и нейтральное из возможных значений слова *häßlich* – *некрасив*, переводчица же хоть и не выбирает одно из самых грубых значений этого слова, как например, *уродливый, отвратительный, мерзкий*, но и не смягчает, используя усредненное *безобразен*.

В 9-м примере слово *Tier* в мужском переводе *зверь* звучит несколько неоднозначно, оно может вызывать и отрицательные ассоциации, но также и ассоциироваться с чем-то опасным, непредсказуемым, диким, даже, в некотором смысле, благородным. *Животное* в женском переводе лишает мужской персонаж каких-либо положительных качеств и звучит, как нечто обидное, что абсолютно логично, т.к. такая характеристика дается герою после ссоры с Мари.

Одной из особенностей женского перевода являются эвфемизмы, в чем можно убедиться, сравнив выделенные курсивом выражения в примере 10. 11-й пример требует более подробного комментария. Одну и ту же фразу в немецком тексте переводчик и переводчица, передавая вроде бы одно и то же, интерпретируют совершенно по-разному. Вариант переводчика содержит в себе некоторое хвастовство и может быть интерпретирован как «ты меня в этом плане мало интересуешь». Вариант, представленный в женском переводе звучал бы для женщины более приемлемо и может быть понят как «мне от тебя нужно совсем не это». При этом переводчица использует эвфемизм *добивался преимущественно этого*, переводчик же использует совершенно другую конструкцию.

Наиболее важным смысловым критерием женского перевода нам представляется **конституирование себя с женским образом** в тексте. Один из таких случаев уже был рассмотрен в 11-м примере.

В 12-м примере в мужском переводе читателю представляется некое обобщение, которое может быть верно для любой аналогичной ситуации. Женский вариант экспрессивен, переводчица явно представляет себе ситуацию, ставит себя на место героини, поэтому и появляется конкретика: *ей придется*.

В примере 13 снова же ситуация интерпретируется по-разному. То, что в оригинале и мужском переводе звучит как нечто нейтральное, переводчица же представляет в экспрессивном свете, добавляет чувств героине, которых в оригинале не было. Так, и в 14-м примере переводчица очень ярко

представляет себе ситуацию, добавляет экспрессивности, своей собственной реакции на происходящее.

Как следует из проведенного анализа, оригинал и два перевода представляются читателю фактически тремя разными текстами, наполненными разными смыслами. Мужской перевод при этом формально кажется более близким к оригиналу, хотя на самом деле, как в женском, так и в мужском переводе многие смыслы искажены, и по настроению и передаче подтекстов женский перевод точнее.

Безусловно, анализ одного конкретного произведения не доказывает наличие «женского чтения» во всех без исключения примерах женского перевода. Однако на то, что данный феномен имеет место в этом конкретном случае, указывают внимание к женскому образу и даже конституирование себя с ним, экспрессивность и использование эвфемизмов.

Таблица

	Юдит Герман [1]	Александр Мильштейн[2]	Наталья Скакун[3]
Экспрессивность			
1.	Sie weiß, daß das falsch ist, aber sie kann die Frage nicht zurückhalten, <i>seit Tagen schon möchte sie das fragen</i> [с. 119].	Она знает, что это неправильно, но вопрос, <i>который она так давно хотела задать</i> , уже задан.	Она знает, что это неправильно, но не может удержаться от вопроса, <i>с которым живет уже много дней</i> [с. 56].
2.	<i>Es ist gruselig, sich vorzustellen, wie das sein soll, wenn...</i> [с. 116].	<i>Страшно представить себе</i> , как это должно быть, когда...	<i>Какая жуть</i> – представлять себе, как это будет, когда они... [с. 54].
3.	Der Künstler <i>wartet</i> drei Tage lang... [с. 117].	Художник <i>ждет</i> три дня...	Художник <i>выжидает</i> три дня... [с. 55].
«Воинственность»			
4.	Vielleicht eindringen, zerstörerisch, in eine scheinbare Ungerührtheit [с. 116].	Может быть, это <i>жажда разрушения</i> , ей хочется <i>вторжения</i> в чью-то мнимую недоступность.	Возможно, <i>проникнуть</i> в него, <i>разбить</i> кажущееся равнодушие [с. 54].
5.	Er <i>steht</i> plötzlich vor ihr... [с. 116].	Он <i>предстает</i> перед ней на празднике...	Он <i>внезапно оказывается</i> пред ней... [с. 54].
6.	Er gießt ihr <i>unentwegt</i> Wodka ins Glas und stellt schwierige Fragen [с. 116].	Он <i>непоколебимо</i> льет водку в ее стакан и задает трудные вопросы.	Он <i>невозмутимо</i> наливает ей водки и задает сложные вопросы [с. 54].
Коннотация			
7.	Maries Scheitel, Maries Stirn, Maries Augenbrauen, ihre Augen, ihre Nase, Mund, Kinn, Hals, Brustansatz, ein schwarzweißes, <i>unheimliches</i> Mariegesicht [с. 120].	Ее макушка, лоб, брови, глаза, нос, рот, подбородок, шея, часть груди, черно-белое <i>ужасное лицо</i> .	Пробор Мари, лоб Мари, брови Мари, ее глаза, ее нос, рот, подбородок, шея, декольте, черно-белое лицо Мари, <i>при виде которого её становится не по себе</i> [с. 57].
8.	Der Künstler ist zudem noch	Художник к тому же	К тому же художник <i>безобразен</i>

	<i>häßlich</i> [с. 116].	<i>некрасив.</i>	[с. 54].
9.	Er erinnert Marie in gewisser Weise an ein <i>Tier</i> [с. 119].	Он напоминает Мари какого-то <i>зверя</i> .	В каком-то смысле он напоминает Мари <i>животное</i> [с. 56].
Эвфемизмы			
10.	Einmal, nachts, in einem Café, da ist Marie schon sehr betrunken, fragt sie ihn, ob er daran denken würde, <i>mit ihr ins Bett zu gehen</i> [с. 119].	Однажды ночью в кафе, Мари, будучи пьяна, спрашивает, не думает ли он о том, <i>чтобы с ней переспать</i> .	Однажды ночью, в кафе, когда Мари была уже совершенно пьяна, она спросила, подумывает ли он о том, <i>чтобы лечь с ней в постель</i> [с. 56].
11.	Der Künstler sagt: Es hat sicher Frauen gegeben, bei denen ich es eher darauf angelegt habe [с. 119].	Художник говорит: Уверяю тебя, были женщины, <i>с которыми я был гораздо настойчивее</i> .	Художник говорит: «Были, конечно же, дамы, <i>от которых я добивался преимущественно этого</i> » [с. 56].
Конституирование себя с женским образом			
12.	<i>Es ist gruselig</i> , zu einem Mann hinunterschauen <i>zu müssen</i> [с. 116].	<i>Это ужасно</i> , когда нужно смотреть на мужчину сверху вниз.	Какая жуть – <i>ей придется</i> смотреть на мужчину сверху вниз [с. 54].
13.	Hat er tatsächlich — gewartet? <i>Marie nimmt das an</i> [с. 117].	Он действительно — ждал? <i>Мари это допускает</i> .	Он в самом деле – ждал? <i>Мари проглотила это оскорбление</i> [с. 55].
14.	Der Künstler atmet, drängt sich an Marie heran, drängt seine Hand um ihren Nacken, ihren Rücken hinunter, unter ihr Kleid [с. 121].	Художник тяжело дышит, наваливается на Мари, проводит рукой по ее шее, вниз по ее спине, под одеждой.	Художник дышит, прижимается к Мари, <i>властно кладет руку ей на затылок</i> , обводит его, гладит спину, его рука скользит вниз, <i>вниз</i> , под платье [с. 57].

Литература

1. *Hermann, J.* Camera Obscura / Judith Hermann. Sommerhaus, später: Erzählungen. – Frankfurt am Main, 1998. – С. 116–122.
2. *Герман, Ю.* Camera Obscura / Юдит Герман; пер. с нем. А. Мильштейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/german_yudit/letniy_domik_pozge.html. – Дата доступа: 20.04.2018.
3. *Герман, Ю.* Camera Obscura / Юдит Герман; пер. с нем. Н. Скакун // Всемирная литература. – 2003. – № 7. – С. 54–57.
4. *Жеребкина, И.* Феминистский литературный критицизм как модель развития теории женской субъективности / И. Жеребкина // «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. – М.: Идея-Пресс, 2000. – С. 135–163.